

Солнце на улице слепило глаза. Чэн Сю, привалившись к дверце машины, задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— Твоя взяла, — негромко произнёс он, едва заметно опустив веки.

— Ещё бы! — самодовольно отозвался Су Фэнчжоу. — Продолжим?

С самого детства Фэнчжоу не привык проигрывать. В чём угодно — кроме, разве что, школьных оценок.

— То сообщение в вичате Сунь Чану... — Чэн Сю сделал небольшую паузу. — Ты ведь сам его сочинял?

— Ну я, — охотно признался тот.

Чтобы составить этот короткий текст, он то писал, то стирал, потратив добрых десять минут. Перед отправкой ещё и проверил несколько раз. Прояви он такое рвение на экзаменах в своё время, отцу не пришлось бы гонять его с палкой по всему дому.

— Решил меня известить? — спросил Чэн Сю после недолгого молчания.

— А ты разве не подговорил моего старика устроить мне встряску? — парировал Фэнчжоу.

— И чем же я тебя извёл?

— Теми царапинами на твоём теле! С чего это ты взял, что их оставил я?

Чэн Сю усмехнулся.

— Слушай, мы уже и целовались, и спали в одной постели, — ворчливо продолжил Фэнчжоу. — Давай честно: кто это сделал?

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Чэн Сю.

— Хм. — Фэнчжоу презрительно фыркнул. — Уж точно не я.

И тут же добавил едкую шпильку:

— Меня что, киданули?

— А ты сам не видишь? — Чэн Сю оставался невозмутим.

— Что я должен видеть?

— Бескрайние изумрудные луга у себя на макушке.

Су Фэнчжоу опешил. Пару секунд он переваривал услышанное, а потом, крепче сжав телефон, выдавил сквозь зубы:

— Твою же...

— Ты просто невыносим, — донёлся из трубки бесстрастный голос мужа.

В этот момент Фэнчжоу как раз выходил из аэропорта и усаживался в машину. Окно было приоткрыто, и резкий порыв ветра взъерошил его волосы, заставив их смешно торчать в разные стороны — ну точь-в-точь колосющаяся трава на тех самых лугах.

Сзади кто-то пошёл на обгон, оглушительно нажав на клаксон. Резкий звук больно ударил по ушам, заглушив последние слова Чэн Сю. Су Фэнчжоу хотел было огрызнуться в ответ, но экран телефона уже погас — связь прервалась.

Он уставился на тёмный дисплей с двояким чувством. В памяти смутно всплыло, что Чэн Сю сказал что-то напоследок, но как он ни старался, вспомнить не смог.

Ду Фэн звучно чихнул.

— Господи, барин, на дворе середина зимы, а вы тут в ледышку превращаетесь! Вон в магазине мороженое продают — если так приспичило, я схожу, куплю. Зачем над собой-то издеваться?

Фэнчжоу поднял стекло и насмешливо взглянул на помощника:

— Не переживай. Ты такой хилый, что даже если тебя заморозить, сладости в тебе не прибавится. Я же не Да Хуан, чтобы в рот всякую гадость тянуть.

Пока эти двое обменивались колкостями, Чэн Сю уже сидел в своём авто. Вскоре из приоткрытого окна потянулась тонкая струйка табачного дыма, тая в морозном воздухе.

Зажав сигарету в одной руке и лениво поглаживая руль другой, он неподвижно смотрел вперёд. Взгляд оставался ледяным, а в мыслях невольно всплывали события той ночи.

Пока они не уснули, между ними пролегла невидимая граница — чёткая, как демаркационная

линия. Но стоило Фэнчжоу провалиться в сон, как он тут же навалился сверху, и оттолкнуть его было невозможно. Пришлось обнять. Впрочем, Чэн Сю и не особо пытался сопротивляться.

Сон у Су Фэнчжоу был, мягко говоря, беспокойным: он ворочался, брыкался и, видимо, видя какие-то сны, то и дело пускал в ход ногти. Чэн Сю прижимал его к себе, время от времени поглядывая на свежие полосы на предплечье — как будто кошка подрала.

А те отметины на ключице... Про них и вовсе было неловко вспоминать. Ему всегда казалось, что на его теле чего-то не хватает, и лишь позже он осознал: не хватало следов, оставленных этим несносным мальчишкой.

Даже если это всего лишь царапины, он хотел их сохранить.

Той ночью он сам накрыл ладонью руку спящего Су Фэнчжоу и заставил его «поставить печать» у себя на ключице...

***

Съёмки «Фейерверка» перевалили за экватор. Пиар-отдел то и дело подбрасывал в сеть закадровые ролики, и Су Фэнчжоу, демонстрировавший завидные успехи, быстро набирал популярность. Число его подписчиков росло на глазах.

Ду Фэн, исполнявший обязанности менеджера, помощника и няньки в одном лице, помимо заботы о быте звезды, неусыпно следил за активностью в соцсетях.

— Знаешь, — довольно кивнул он, не отрываясь от ноутбука в машине, — ты молодец. Число фанатов заметно подскочило. Если так пойдёт и дальше, скоро пробьём первый серьёзный рубеж в пятьсот тысяч.

Су Фэнчжоу, вяло привалившись к двери, безучастно переспросил:

— «Скоро» — это когда?

— Ну, через пару месяцев, — прикинул Ду Фэн.

— Пф-ф, — Фэнчжоу презрительно фыркнул. — Неужели другим актёрам так же тяжело набирать аудиторию?

Менеджер только развёл руками:

— С чего бы? Взять ту же Чжан Юань — всего год в индустрии, одна хитовая роль, и бац — уже

десять миллионов подписчиков. Рекламные контракты и ресурсы гребёт лопатой.

Фэнчжоу открыл глаза, чуть повёл плечами и сменил позу, закинув ногу на ногу.

— Чжан Юань?

— Новое дарование кинокомпании «Минфэй», — пояснил Ду Фэн. — Они настоящие гиганты рынка. За кого ни возьмутся — делают звезду. Прошлый год весь был за их артистами. Говорят, и в этом году титул лучшей актрисы заберёт кто-то из их протеже. Эх, ты бы знал, что в тусовке болтают про господина Чэна.

— И что же? — Фэнчжоу вновь хмыкнул, на этот раз громче.

— Говорят, Чэн Сю — «тёмная лошадка» индустрии. В его глаза будто вмонтированы детекторы, сам он — как живой радар. Стоит ему на кого-то указать, и человек взлетает. В его руках даже кусок шлака превращается в шедевр, булыжник становится золотом, а стекляшка — жемчужиной. В общем, болтают, что он и не человек вовсе! — Ду Фэн, будучи преданным фанатом Чэн Сю, вещал с жаром добрых пять минут.

Су Фэнчжоу слушал-слушал, а потом вдруг приснул:

— Не думал, что встречу родственную душу.

— В смысле? — не понял менеджер.

— Ну, я тоже считаю, что Чэн Сю — не человек, — ухмыльнулся Фэнчжоу.

Ду Фэн только зубами заскрипел. Спустя минуту он выдавил:

— И за что господину Чэну досталось такое наказание в твоём лице...

Фэнчжоу закинул руки за голову.

— Грехов в прошлой жизни много натворил, не иначе, — лениво протянул он.

Ду Фэн промолчал.

***

Прибыв на площадку, Су Фэнчжоу сразу отправился в гримёрку. Утром предстояло снимать

эмоционально тяжёлую сцену — герою нужно было плакать, а это всегда считалось лакмусовой бумажкой актёрского мастерства.

Фэнчжоу загримировали, и он начал настраиваться. В голове мелькали кадры последних дней. Вспомнил, как уделал сегодня Чэн Сю — настроение подскочило, слёз ни в одном глазу.

Подумал о будущих пятистах тысячах фанатов — на душе стало тепло и радостно. Грусть снова улетучилась.

Вспомнил утренний разговор с отцом: старик души не чаёт в Да Хуане, а на родного сына только ворчит. Стало немного обидно. В глазах чуть защипало.

И наконец, он вызвал в памяти последнюю картинку: баланс на банковской карте — меньше десяти тысяч юаней. Вот тут-то его и пробрало. От осознания собственной нищеты сердце сжалось, и слёзы градом покатались по щекам.

— Отлично! — скомандовал режиссёр Лю Си. — Держи состояние! Свет, камера... начали!

Су Фэнчжоу рыдал навзрыд, некрасиво шмыгая носом.

— А он хорош, — прошептал помощник режиссёра, глядя в монитор. — Сколько чувства!

Когда сцена закончилась, Фэнчжоу ещё долго не мог прийти в себя, плечи его мелко вздрагивали от икоты.

Лю Си подошёл и одобрительно похлопал его по плечу:

— Прекрасно сыграно. Очень убедительно вошёл в образ. Если не секрет, о чём думал в этот момент?

Су Фэнчжоу сделал глоток воды, чтобы смочить пересохшее горло, и сиплым голосом ответил:

— О деньгах.

— Что? — не понял режиссёр.

— Представил свой банковский счёт, — честно признался актёр, — и на душе стало так паршиво...

Лю Си только крикнул. Ду Фэн, к счастью, этого не слышал — иначе сам бы разрыдался от стыда за своего подопечного. Этот болван был катастрофически прямолинеен.

Закончив съёмки, Фэнчжоу тайком выпросил у гримёрши пачку чипсов. С самого утра он почти ничего не ел, а перелёт и сцена с рыданиями окончательно вымотали его — живот урчал от голода.

Стоило ему отправить в рот первый ломтик, как телефон завибрировал. Сообщение от Чэн Сю:

[Ты спрашивал, откуда взялись царапины?]

[Так вот, слушай.]

[Это ты меня поцарапал.]

Чэн Сю, видимо, весь день боролся с собой, но в конце концов решил расставить точки над «i», чтобы избежать недопонимания.

Фэнчжоу хрустнул чипсом, и в ту же секунду схватился за челюсть, издав приглушённый стон. Слишком резко дёрнулся и прикусил язык. Больно, чёрт возьми!

Он вскочил и принялся нарезать круги по гримёрке, баюкая щёку ладонью. Когда боль немного утихла, он снова уставился в экран.

Он?

Поцарапал?

Его??

Да быть того не может! Неужели он так беснуется во сне?

Враньё. Наглое враньё.

Су Фэнчжоу уже приготовился строчить гневную отповедь, как пришло второе сообщение. На этот раз — фото. Как говорится, улика налицо.

Он рухнул обратно в кресло, во все глаза глядя на «доказательство». Снимок был сделан при плохом освещении: кровать, двое.

Один из них плотно вцепился в предплечье другого. Судя по углу наклона и силе нажатия, сомневаться в авторстве следов не приходилось.

Но внимание Фэнчжоу привлекли не царапины. Его поразила сама поза.

Обнимает?

Он что, обнимает Чэн Сю во сне?!

Су Фэнчжоу лихорадочно застучал по кнопкам:

[Мы же договаривались не пересекать черту! Почему ты её пересёк?!]

Ответ пришёл мгновенно:

[А ты присмотришь, кто из нас её пересёк.]

Фэнчжоу увеличил фото и... проклятье. На «чужую» половину залез именно он.

Чэн Сю добил:

[Язык проглотил?]

Су Фэнчжоу чувствовал себя так, словно душа его на время покинула тело. Соображать здраво не получалось. Он тупо пялился в экран, не зная, что ответить.

Тряхнув головой, он попытался вспомнить ту ночь, но в памяти всплыло только падение с кровати. Больше — пустота.

Неужели... правда он?

«Неужели я и впрямь такой несносный?» — подумал он и пальцы сами набрали:

[Правда я? Я что, настолько невыносим во сне?]

Чэн Сю ответил секунда в секунду:

[А ты когда-нибудь бываешь другим?]

Фэнчжоу не видел лица мужа, но легко мог его представить: холодная маска, во взгляде — неприкрытый скепсис.

Его передёрнуло.

[Бываю.]

Чэн Сю прислал короткий знак вопроса.

Фэнчжоу выдохнул:

[Когда мы расписывались.]

Он решил: если Чэн Сю скажет, что и в ЗАГСе он вёл себя как придурок, он тут же предложит развестись. Но он почему-то был уверен: Чэн Сю промолчит.

И угадал. Тот ничего не ответил.

Су Фэнчжоу сполз со стула и присел на корточки в углу, напоминая какой-то поникший пень. Так он просидел минут десять, не шевелясь.

Ду Фэн, заглянувший в гримёрку, усмехнулся:

— Ты что, в засаде?

Су Фэнчжоу даже головы не поднял.

— Жизнь обдумываю, — уныло буркнул он.

Ду Фэн присел рядом.

— И как? Надумал чего?

Фэнчжоу покачал головой:

— Нет. Только запутался ещё сильнее.

В этот момент телефон снова звякнул. Он нехотя глянул на экран.

Чэн Сю: [Только в тот день ты и был милым.]

<http://bllate.org/book/17526/1696012>